

Борис Леонидович Пастернак, Рюрик Ивнев, Сергей Павлович Бобров, Николай Николаевич Асеев pasternak
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://pasternakboris.ru/> Приятного чтения!

Руконог. Борис Леонидович Пастернак, Рюрик Ивнев, Сергей Павлович Бобров,
Николай Николаевич Асеев

Ив. В. Игнатъев

Печатаемые ниже четыре стихотворения – пока все, что нам удалось добыть из наследия покойного Игнатъева. Первые два были нам присланы для этого сборника самим поэтом в ноябре месяце прошлого года, два других извлечены из бумаг покойного П. Широковым. Последнее стихотворение, быть может, несколько разъяснит, что заставило И. В. Игнатъева покинуть нас так неожиданно. – В начале января нам пришлось получить от него письмо, где он выражал надежду, что в будущем «Петербургский Глашатай» окрепнет и разовьется, однако дело его явно падало. Это и, вероятно, чисто личные причины сделали невозможной жизнь. Мы ждали от Игнатъева очень многого, мы верим, что если бы он продолжал свою деятельность, мы были бы избавлены от многих и нелепостей, процветших теперь на покинутой им ниве. – Мы можем лишь пожелать, чтобы другой мир принес поэту меньше горя и обиды, чтобы, алчущий правды поэзии, там обрел бы он животворный её источник.

Три погибели

Я выкую себе совесть из Слоновой кости
И буду дергать её за ниточку, как паяца.
Черные розы вырастут у Позолоченной Злости
И взорвется Подземный Треугольник Лица.
Я зажгу Вам Все Числа Бесчисленной Мерзости,
Зеленые Сандвичи в Бегающих пенсне.
Разрежьте, ретортами жая, отверзость и
Раи забудутся от Несущих стен.
«Аркан на Вечность накинута...»
Аркан на Вечность накинута
И станет жалкою она в РУКЕ.
Смертью Покинутый
Зевнет Судьбе.
Заглянуть в Вентилятор Бесконечности,
Захлопнуть его торопливо ВНОВЬ.
Отдаться Милой беспечности,
Бросив в Снеготаялку Любовь.
«Тебя, Сегодняшний Навин...»
Тебя, Сегодняшний Навин,
Приветствую Я радио-депешей.
Скорей на Марсе Землю Вешай
И фото Бег останови.
Зажги Бензинной зажигалкой
Себе пять Солнц и сорок Лун
И темпом Новым и Нежалким
Завертит Космос свой Валун.
«Я пойду сегодня туда...»
Я пойду сегодня туда, где играют веселые вальсы,
И буду плакать, как изломанный Арлекин.
А она подойдет и скажет – Перестань! Не печалься! –
Но и с нею вместе я буду один.
Я в этом саване прощальном
Целую Лица Небылиц
И ухожу дорогой Дальней
Туда к Границе без Границ.
19. XI.1913

Василиск Гнедов

Ерошино

□□ Не зная устали
□□ Лишь зная стали
□□ Грибы рогатины в зубах взростали
□□ Ржавели палубы
□□ Гора коты в ногах
□□ И бор развесисто
□□ Упрямо в поле

Борис Леонидович Пастернак, Рюрик Ивнев, Сергей Павлович Бобров, Николай Николаевич Асеев pasternak

□□На нашем просвисте
□□Туманов драхма
□□Ялик зазвякал
□□Упала птаха
Сколько на нос полагается дробь
Выкушай смерти и сердце попробуй
□□Вот и гора вот и пригорок
□□На слюне через рты
□□Протащился опорок
Швах! швах! ударились о небо тучи
Сумерки на Дону
Глаза печерицы
Полевой падчерицы
□□Скуда
В лохмотах лоскутах
И розовой лентой на пузе
Верблюжьи комы собирает
Сердце на вешнем пиру затопить
К развалине дряхлой на суке подъехал
□□Не сумеет проколоть
□□Он копьем мою долину
□□Поверну горлая спину
□□Выжму спелый молочай
На телеге желтая сурепа
Або придавил залохмаченный стрепет
Приготовлю же завтра полено
Пусть садится тогда на колени.
«Бросьте мне лапу скорее коготь и вшей увяданье...»
Бросьте мне лапу скорее коготь и вшей увяданье
Ткнусь как на поле гаданье
Возле на посох долины
□□Кроме не выжевать сказок
□□Ты покровитель подвязок
□□Сломишь бедро поцелуем
□□Брови подгадаешь и всуе
Надо рыбацьи потуги – войлок повесить на шею
Ябеду выгнать на паство
Хворост из рук выше Ноя
□□Взять поиграть вышиною
□□Веки лаптями обвешать
□□Глаз промочить через солнце
□□Реки меж ног процедить
Белый великий карманщик
Скоро ли зубы украдешь
Мелом намажешь весь череп
□□Выбежал лье из затылка
□□Дреколом махал и горбился
Пусть пропадает черствеет
Горе лягнуть не успеет
В горсть прибегают уморы
Из белого синего моря
□□Карачено осени скачут
Ды – косолапой лягушке
Дольш не сидеть на макушке
Борис Пастернак
Цыгане
От луча отлынивая смолью,
Не алтыном огруженных кос,
В яровых пруженые удоля
Молдован сбивается обоз.
Обленились чада град загреба,
С молодницей обезроб и смерд:
Твердь обует, обуздает небо,
Твердь стреножит, разнуздает твердь!
Жародею жогу, соподвижцу
Твоего девичья младежа,
Дево, дево, растомленной мышцей
Ты отдашься, долони сложа.

Жглом полуд пьяна напропалую,
Запахнешься ль подлою полую,
Коли он в падучей поцелуя
Сбил сорочку солнечной скулой.
И на версты. Только с пеклой вышки,
Взлокотятся, крошка за крохой,
Кормит солнце хворую мартышку
Бубенца облетной шелухой.

Мельхиор

Храмовый в малахите ли холен,
Возлелеян в серебре косогор
Многодольную голь колоколен
Мелководный несет мельхиор.
Над канавой извезенной сиво
Столбенеют в тускле берега,
Оттого что мосты без отзыву
Водопьянью над згой бочага,
Но, курчавой крушася карелой,
По бересте дворцовой раздран
Обовется и кремль обгорелый
Теплой смирной стоячих румян.
Как под стены зоряни зарытой,
За окоп, под босой бастион
Волокиты мосты волокиту
Собирают в дорожный погон.
И, братаясь, раскат со раскатом,
Башни слюбятся сердцу на том,
Что, балакирем склабясь над блатом,
Разболтает пустой часоём.

Об Иване Великом

В тверди «тверда слова рцы»
Заторел дворцовый торец,
Прорывает студенцы
Чернолатый Ратоборец.
С листовых его желез
Дробью растеклась столица,
Ей несет наперерез
«Твердо слово рцы» копытце.
Из желобчатых ложбин,
Из-за захолодей хлебных
За пол-блином целый блин
Разминает белый облак.
А его обводит кисть,
Шибкой сини птичий причет,
В поцелуях – цвель и чисть
Косит, носит, пишет, кличет.
В небе пестуны-писцы
Засинь во чисте содержат.
Шоры, говор, тор... Но тверже
Твердо, твердо слово рцы.
Елизавета Кузьмина-Караваева
«По вечерам горят огни на баке...»
По вечерам горят огни на баке;
А днем мы ждем таинственных вестей;
Хотим понять сплетений тайных знаки
На небе распластавшихся снастей.
Качается корабль острогрудый,
Подъемля в небо четкий знак креста.
И смотрим пристально, и ждем мы чуда;
Вода внизу прозрачна и чиста.
О, вестник стран иных и чуждой тайны,
Питомец бурь, соратник волн в морях, –
Мы верим, – знаки в небе не случайны
И не случайно пламенна заря.
Так близится минута расставанья –
Тебя зовет нам чуждый небосклон
В страну, где чтут слова иных преданий
И властвует неведомый закон.

Быть может, мы, кто рвется в дали, к небу,
Кто связан тяжким, длительным путем,
Свершим когда-нибудь живущим требу,
К земле стальные тучи наметим.
Быть может, мы, распятые во имя
Неведомых богов, увидим вновь,
Как пламенем просторы нив палимы
И как заря точит святую кровь.
Так говорят снастей сплетенных знаки
И алого заката полоса...
По вечерам горят огни на баке,
И слышатся людские голоса.
«Исчезла горизонта полоса...»
Исчезла горизонта полоса;
Казались продолженьем неба, – воды;
На кораблях упали паруса;
Застыло время; так катились годы.
Смотреть, смотреть, как нежно тает мгла,
Как над водой несутся низко птицы,
Как взвилась мачты тонкая игла,
Как паруса на ней устали биться,
Как дальний берег полосой повис
Меж небом и бесцветною водою;
Сейчас он сразу оборвется вниз
Иль унесется облачной грядюю.
«В небе угольно-багровом...»
В небе угольно-багровом
Солнце точит кровь мою.
Я уже не запою
Песен о свиданьи новом.
Нет возврата, нет возврата;
Мы на кладбище чудес;
Видишь, – омывает лес
Свой простор в реке заката.
Видны резко начертанья
Даже на твоем челе:
Все мы на одной земле,
Всем пророчило сказанье.
Вынимай же нож точеный,
Жертвенную кровь пролей,
Кровь из облачных углей, –
Вольный, вольный, обреченный.
Будь могучим, будь бессильным,
Кровь твоя зальет закат,
И венец земной, мой брат,
Заменит венцом могильным.
Рюрик Ивнев
«Ненависть – это не слово, а сахар...»
Ненависть – это не слово, а сахар,
Горечь, мука – это шутка ребенка,
Я брожу но улицам, как сваха
И смеюсь нарочно звонко.
А в душе и в воздухе синем
Так обидно и невероятно больно.
Ах, когда мы занозы вынем
Из тела безвольного.
Ударить себя! Не поможет,
А других ударить – жалко,
И пойдешь к трехрублевой гадалке,
Посмотреть, как карты она разложит, –
И будет все так трафаретно:
Король, дама, девятка, двойка,
Неприятность, заботы (два валета);
И хочется, чтобы выскочила из колоды
Какая-нибудь новая масть,
И чтобы какой-нибудь зверь, вышедший из моды,
Открыл бы свою старомодную пасть.
«Точно из развратного дома вырвавшаяся служительница...»

Точно из развратного дома вырвавшаяся служительница
Луша забегала по переулкам (без эпитета).
Ноги – как папиросы, ищущие пепельницу;
Ах, об этих признаниях другим не говорите.
Правда, часто глазам, покрасневшим от нечести,
Какие-то далские селения бредятся,
И даже иногда плавающая в вечности,
Обстреливаемая поэтами Медведица.
И тогда становится стыдно от мелочей,
Непринимаемых обыкновенно во внимание,
Пейте, бейте железом, за дело. Чей
Удар сильнее – тому поклон, покаяние..
«В моем организме не хватает какого-то винтика...»
В моем организме не хватает какого-то винтика
Для того, чтобы мою безалаберность привести в порядок.
Не поможет мн ни гуммиарабик, ни синдетикон,
Я – растение не для обыкновенных грядок.
А в лица глупо улыбающимся шаблоном
Я выплесну бочку своей фантазии,
И она заиграет, как осколки солнца,
До мучительности – в своем разнообразии
Написав рифмованные строчки, как это полагается,
Я закрою платочком лицо, опустившись,
И напомню движеньями умирающего зайца,
Долго не спавшего и долго не евшего.
А душа закроется, как копилка железная,
И никто не поинтересуется заглянуть в шелку
На любовь, чьими то ножницами изрезанную
И разложенную по кусочкам на полочки.

Павел Широков

На мосту

Сыро и холодно... Проходят вереницы
Людей знакомых и чуждых навсегда.
Один из них хочет наклониться,
Посмотреть туда, где чернеет вода.
Трясутся от холода отражения в зыби
И манит лукавым спокойствием струя,
Словно говорит: «мы укачать могли-бы.
Мы нежны, мы чутки, не такие, как земля».
Он наклонившийся, перешагнув перила,
Качнулся вперед – и нет никого.
Вода всплеснула... распустилась... скрыла..
На мосту суетились, не зная отчего.
Смотрели, ждали любопытные лица,
Но скоро ушли все. Кругом, как всегда,
Сыро и холодно. Тянется вереница
Людей, неоставляющих в памяти следа.
Мальчик нищий

Опять дрожать весь день на холоде
И быть упрямым, как стена;
Всем говорить о едком голоде,
Выдумывать, что мать больна.
Пройдут вчерашние прохожие,
А ветер, не поняв слова,
Ударит руки смуглокожие
И где удар, там – синева.
Найти окурок, – он закурит
Не хуже свежих папирос,
И весело бежать по улице,
Дым важно выпуская в нос.
Сейчас мороз – как пламя в кратере,
Вкруг ярко, шумно без конца..
А после крики грязной матери
И ругань пьяного отца.

Вирелэ

Ночные улицы, как залы,
В лучах красивых фонарей..
И Вы, похожая скорей

На заключенных зло в овалы
Маркиз портретных галерей.
Пройдете улицы, как залы,
В лучах красивых фонарей.
Вам лучше-б – легкие порталы
Готических монастырей
И вычурные карнавалы,
Чем эти улицы – как залы
И искры бледных фонарей
С одним стремлением: скорей!..
Ночные улицы – как залы,
Где взгляд красивых фонарей
Бросает муть прошедших дней
На бесполезные каналы.
Но шаловливые кораллы
И Ваши взоры мин милей,
Чем эта улицы – как залы.
Сердца – неполные бокалы;
Я Вам сказать готов: «налей!»
Для Вас сплетая в вирелэ,
Как в нитках с жемчугом-опалы,
Ночные улицы и залы.

Николай Асеев

Гудошная
Титлы черные твои
Разберу покорничьим
Ай люли ай люли
Разберу покорничьим
□□Духом сверком злом верой
□□Убери обрадову
□□Походи крутой игрой
□□По накату адову
Опыланью пореки
Радости и почести
Мразовитые руки
След на милом отчестве
□□Огремли глухой посуд
□□Племени Баянова
□□Прослышаем нами гул
□□Струньевника пьяного
Титлы черные твои
Киноварью теплятся,
Ай люли ай люли
Киноварью теплятся.
Шепот
□□Братец Наян
□□мало по малу
□□выползаем к валу
□□старых времян
Видишь стрекач
Чертит раскосый
Желтоволосый
Лук окарячь
□□Гнутся холмы
□□с бурного скока
□□черное око
□□выцелим мы
Братец Ивашко
Гнутень ослабь
Конский охрап
Тянется тяжело
□□Млаты в ночи
□□нехристя очи
□□плат оболочий
□□мечет лучи
Братец Наян
Молвлено слово
Племени злова

Сном ты поян
□□Я на межу
□□Черные рати
□□Мги наложу
□□Трое печати
Первою мгой
Сердце убрато
Мгою другой
Станет утрата
□□Отческий стан
□□Третьей дымится
□□Братец Наян
□□Что тебе снится?
Песня Андрия
Раскосое желтоволосое чучело
Ой смерть
Фыркало на меня, буркалы пучило
Ой смерть
Как стояли лыцари под дубном
Ой смерть
Помолкали полковые трубы
Ой смерть
Заунывным ты дрожала бубном
Ой смерть
Отуманью занемляла губы
Смерть, смерть,
Не на двадцать весен сердце билось
Ой смерть
Не на двадцать ходенем ходило
Ой смерть
А и вот она лихая хилость
Ой смерть
А и вот казацкая могила
Смерть, смерть,
Ты не дуй мне в очи ветер Божий
Ой смерть
Не гони в лицо истому злую
Ой смерть
Как паду под чучельной рогожей
Ой смерть
Мертвым усом землю поцелую
Смерть смерть
Димитрий Крючков
«В радостной хламиде голубого шелка...»
В радостной хламиде голубого шелка
День подъехал рано к дремлющим полям.
Вкруг него – усмейность, птичий трепет, гам.
Ах, в лучисто-легкой, светлой одноколке
День подъехал рано к дремлющим полям.
И колосья дышат зыбчато и колко,
А над ними веет сень дневного шелка.
День подъехал рано к дремлющим полям.
Сергей Бобров
Лира Лир
Оратория
Необыкновенная поступь времени
Костями ложится перед сим летом.
Совершаем над быстрым льдом
Этот лет мы – одни.
Жизнь, как мельница невозможностей,
Собирает тайное зерно:
Цвет и звон усталостей
И несравненный колокол.
Дай же мне, о, золото жизни,
Врата бесконечных смыслов
Ударяя, как луч по линзе –
По трепету мысленных обрывов.
Дай, богиня, воспеть несравненно

Золота текучего прозрачный жир;
Дай мне мою умышленную
□□Лиру Лир.

I

По воздушному троттуару
Ниспускается бегучий лимузин,
Прогибаясь в жизненную амбру,
Расточая свои триста тысяч сил.
Радуги возносятся, как дуги,
Круги их – как барабаны динамо,
Плуги кругов – пронзая, легки;
Ввысь опрокинута воздушная яма.
И сие благоприобретенное пространство
Могила призраков и мечт,
Мертвого корсара долгожданство
И неуловимый метр. –
Кругом кружит любовное веселье
(У меня нет времени все описать!),
Гиперболы, эллипсы – взвивают кольца,
Над которыми летучая рать.
Протянуты в дикую бесконечность
Безвоздушные, не-сущие пути:
Их млечность, точность, извивчивость, глыбность
Приглашают пить нашу песню и идти.

II

Гробожизнь нестерпимо пляшет,
Изваянием уведена;
Бросаются в пропасть блеклые тайны,
Сумасшедшие отверзают уста.
Остановись, жизнь, в диком скоке,
Перед тобой – неожиданная волна, –
И кто ее залижет раны,
Кто скажет, что она есть та: –
□□Неощущаемая.

III

Несет лимузин синяя радуга,
И радуют рабов редкие взрывы.
Восстаньте на нити повелений,
Дайте снам яду, жизни обрывы.
Любите сердцем разгромленным,
Отбросьте все покрывала –
Чтобы над миром ослепленным
Новая красавица восстала.

IV

Сумасшедших пляс – хороводом
Нас уводит, – шепчет, шипит, горит:
– Воздвигайте новое Замбези,
Новый Берингов пролив,
Новую Атлантиду!
В неразрывные взрывы –
На бегущих марганце и железе,
Новую жизни кариатиду.
Радиоактивное творчество!
Эманировать жизнь – блеск
В блески данцигской водки
В напиток Фауста.

V

Нам осталось лишь встретить ее
Бег, ее руки, уста, очей чернь и синь
И тонкими лирами отметить
Ее жизнь.
Будь же смарагдовым осиянием,
Будь же золотом непобедимым,
Будь знаменем белизны,
Неуследимыми вратами,
Будь светильником на наш пир,
Пребывающая в небытии
□□Лира Лир.

Борис Леонидович Пастернак, Рюрик Ивнев, Сергей Павлович Бобров, Николай Николаевич Асеев pasternak
Памяти И.И. Игнатъева
Ни тот, ни та тебе, Единый...

(Ив. Игнатъев)

И жизнь взлетает темной рыбой,
Ведя заоблаконную вязь,
Но ты, стремя, выводил узоры
И выползал из гробов свет.
Ах, ты ли, плясун оледенелый!
Краев обидных бродяга!
Ты, построитель, волк, –
Благо брега невеселый – ходок!
Бью заунывно, ною печально,
Верь томительной тучеяси!
Это молодец в кованных железах
Над рекою поломал свой лук.
Турбопэан
Завертелась ЦЕНТРИФУГА
Распустила колеса:
Оглушительные свисты
Блеск парящих сплетных рук!
– Молотилка ЦЕНТРИФУГИ,
Меднолобцев сокруши!
Выспрь вертительные круги
Днесь умчающейся души; –
Блеск лиет, увалов клики,
Высей дымный весен штурм, –
Взвейся непостиженно
В трюм исторгни кипень шум.
В бесконечном лете вырви
Построительных огней, –
Расступенных небосводей
Распластанный РУКОНОГ!
Но, втекая – стремись птицей,
Улетится наш легкий, легкий зрак! –
И над миром высоко гнездятся
Асеев, Бобров, Пастернак.
О, протки чудесий туго
Беспристрастный любосот,
Преблаженствуй, ЦЕНТРИФУГА,
В освистелый круголет.
Божидар
Niti
читается:

в = б; v = в; е = йе; и = й; N = Н

И
Я,
И
Он –
Мы:
Сон!
Для
Тьмы
У
Дня
У
Пик –
Час,
Миг
Для
Нас
Верём.
Поём
Хваленье
И пенье
Льём!

Хваля
И тьму,
И спу
Поя.
О
Ты!
О
Друг!
Мы:
Круг;
Мы:
Спы!
А
День?
А
Свет? –
То
Тлен.
Взлет
До
Мечты;
Почти
До дна.
Где пустота
Одна
И та:
Лишь в тьме
И сне
Відна.
Грамота

Мы, меньше всего желавшие междуусобий в Русской Поэзии, отвечавшие молчанием на неоднократные заигрыванья пассаистов, не желая больше поощрять наглость зарвавшейся банды, присвоившей себе имя Русских футуристов, заявляем им в лицо, дабы вывести общество из заблуждения, коим они пользуются для личных своих расчетов, следующее:

1. Вы предатели и ренегаты, ибо осмеливаетесь глумиться над делом первого Русского футуриста покойного И. В. Игнатьева (стр. 130 «Первого Журнала Русских футуристов»).
2. Вы самозванцы ибо А) Вас и именно Вас назвал пассаистами главнокомандующий армиями футуристов Ф. Т. Маринетти в бытность свою в Москве; Вы тщетно старались представить ему фальшивые паспорта, собственноручно сфабрикованные Вами под футуристические; он не захотел проверять их подлинности, настолько наивна была подделка; б) Старший русский футурист И. Северянин публично (в газетах) указал Ваше место в пределах родины, ибо Вы со своей деятельностью давно подошли под нормы некоего кодекса, действующего в Империи.
3. Организован трест российских Бездарей, Вы со злобой и бесстыдством забываете о порядочности и распространяете клеветнические сплетни о поэтах инакомыслящих с Вами (стр. 141 «Перв. Жур. Русск. футуристов»).
4. Вы трусы, ибо, ратуя за подъятое забрало и клеймя псевдоним = анониму, Вы прикрываете инсинуаторов своего лагеря вымышленными именами. (Стр. 131, 141, 142).
5. Вы трусы и еще раз, так как, желая во что бы то ни стало, очернить Ваших противников в поэзии и приводя статьи, якобы реабилитирующие Вашу истинность в глазах будущников, – Вы умышленно пропускаете все наиболее для Вас компрометантное (Стр. 130, «Ж. Р. Ф.»).

Вновь повторяя все эпитеты, характеризующие Вас в грамоте этой, мы, подписываясь полными именами, говорим Вам в лицо: если у Вас есть средства оправдания, мы готовы отвечать за свои слова. Если эти оправдания будут лишь новыми сплетнями и инсинуациями анонимов и псевдонимов, то Вы, ложно именуя себя «Русскими футуристами» будете поставлены в необходимость получить в руки свой истинный послужный список ПАССЕИСТОВ.

Борис Леонидович Пастернак, Рюрик Ивнев, Сергей Павлович Бобров, Николай Николаевич Асеев [pasternak](#)

Николай Асеев

Сергей Бобров

Илья Зданевич

Борис Пастернак

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://pasternakboris.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!